DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-133-136

**«КРИТИЧЕСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ТЕИЗМ»
АРХИЕПИСКОПА НИКАНОРА (БРОВКОВИЧА):
ОПЫТ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА**

Хань Юй

Гэн Хайтянь

В статье дается авторский обзор критического философского теизма архиеп. Никанора (Бровковича). Обосновывается влияние историко-философского анализа на традицию социогуманитарного познания. В этом аспекте анализируются важные особенности исследований архиеп. Никанора.

Ключевые слова: архиепископ Никанор (Бровкович), православие, критический теизм, духовная академия.

**“CRITICAL PHILOSOPHICAL THEISM” OF ARCHBISHOP NIKANOR (BROVKOVICH):
EXPERIENCE OF HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

Han Yu

Geng Haitian

The article provides the author's review of the critical philosophical theism of Archbishop Nikanor (Brovkovich). The influence of historical and philosophical analysis on the tradition of socio-humanitarian knowledge is substantiated. In this aspect, important features of the research of Archbishop Nikanor are analyzed.

Key words: Archbishop Nikanor, Orthodoxy, critical theism, Theological Academy.

Одной из важнейших задач современной философии является профессиональный анализ целого комплекса разнообразных когнитивных практик. Следует отметить, что благодаря таким выдающимся российским исследователям, как профессор Л.А. Микешина, произошло существенное переосмысление самого феномена когнитологии как области социально-гуманитарного знания с учётом перехода к информационному обществу. Такой переход не должен сопровождаться дегуманизацией, напротив, он требует усиления внимания к человеческому, личностному фактору в познании. Речь в данном случае идёт о сохранении духовных основ всякого когнитивного опыта, что предполагает обращение, в том числе, к прошлым философским теориям и концепциям, в которых подчёркивалась необходимость постановки перед человеком в его познавательном опыте «высших», «трансцендентных» целей. В русской религиозной философии XIX – начала XX в. существовало целое направление духовно-академического теизма, выдающиеся представители которого не только ставили вопрос о духовных основах когнитивного процесса, но и подвергали критическому анализу (с теистических позиций) познавательные способности че-

ловека или критически разбирали намерения ряда позитивистски настроенных философских школ свести весь научный поиск к систематическому описанию. К числу таких значительных русских религиозных философов следует отнести архиепископа **Никанора** (в миру – **Александра Ивановича Бровковича**) (1826–1890), чьё творческое наследие является многообразным, во всяком случае, он был вполне состоявшимся исследователем не только в области религиозной философии, но также и в сфере основного и догматического богословия, церковной истории, археографии и др. Но, на наш взгляд, именно его «позитивная философия», теистическая метафизика и его «критический философский теизм» остались наиболее значимыми элементами его творчества. Во всяком случае, многие религиозно-философские идеи данного видного православного теиста сохраняют значимость и актуальность, особенно в том, что касается необходимости налаживания диалога между религией и наукой, разумом и верой. Однако мы не можем утверждать, что тема необходимости коммуникации разума и веры, религии и науки ранее не поднималась в истории философии. Этот вопрос был актуален уже в античной традиции, мы видим попытку его реше-

Хань Юй – старший преподаватель Хэбэйского северного университета (КНР).

Han Yu – Senior Lecturer at Hebei North University (PRC).

E-mail: 2009gh@mail.ru

Гэн Хайтянь – кандидат политических наук, доцент Хэбэйского северного университета (КНР).

Geng Haitian – Candidate of Political Science, Associate Professor at Hebei North University (PRC).

E-mail: 2009gh@mail.ru

© Хань Юй, Гэн Хайтянь, 2020

ния и в творениях апологетов и некоторых представителей зрелой патристики. Позитивная философия архиеп. Никанора стала своеобразным «подведением итогов» той линии религиозной философии, которая начинается ещё с глубокой древности.

Вместе с тем при анализе истоков философии архиеп. Никанора мы не можем игнорировать и наличие как внутритеоретических, так и внешних факторов, к числу которых можно отнести и воздействие контекста, т.е. социальной, образовательной, церковной, даже политической среды, сформировавшей в значительной степени архиеп. Никанора как религиозного философа, мыслителя-теиста. Кроме того, нам необходимо определить сам статус «позитивного учения» архиеп. Никанора, которое нами будет определяться как философское, что, впрочем, требует некоторого обоснования и доказательства. При определении истоков философского учения архиеп. Никанора вполне можно воспользоваться концепцией «тройной детерминации» специалиста по истории русской философии и методологии проведения историко-философского исследования, доктора философских наук З.А. Каменского (1915–2000). В своих работах «Методология историко-философского исследования (проект систематизации)», «Проблемы марксистско-ленинской методологии истории философии» и «История философии как наука» [4] он сформулировал достаточно удобную для проведения соответствующего историко-философского исследования схему анализа истоков философского творчества какой-то школы или конкретного мыслителя [4: с. 58–62]. Эта схема, при условии её адаптации к конкретному философскому учению, была уже успешно использована во многих докторских и кандидатских диссертациях. Полагаем, что имеется возможность и далее ей пользоваться, во всяком случае, в качестве общего ориентира при выстраивании структуры собственного историко-философского исследования, что поможет, по словам российского автора В.Е. Луценко, «определить те пути, по которым будет проходить восстановление традиции теистической философии в нашей стране» [5: с. 6].

Здесь возникает вопрос о специфике «позитивной философии» архиеп. Никанора. Это и станет важнейшим предметом данной статьи. При проведении подобных исследований необходимо учитывать установку православных мыслителей-теистов на «синтезизм», что подразумевает использование опыта философствования представителей разных школ и направлений философского идеализма. Философский теизм должен, в понимании архиеп. Никанора, базироваться на прочных основаниях религиозного мировоззрения, представлять его в области теоретического дискурса, умозрительных категорий и одновременно обладать необходимой гибкостью и способностью давать адекватные ответы на вызовы положительной науки и самого времени. По сути он предлагает последова-

тельное обновление всего багажа православного философского теизма с учётом достижений естественных и логико-математических наук. Его линия в европейском философском теизме XIX в. использовала теоретические изыскания как классического немецкого идеализма, например И.Г. Фихте [1: с. 81–84], так и особенно мировоззренческие поиски и решения крупнейших представителей немецкого постгегелевского теизма: Г. Ульрици (1806–1884), Г. Лотце (1817–1871), А. Тренделенбурга (1802–1872), И. Фихте (младшего) (1796–1897), также обращавшихся к сфере естественных и точных наук, хотя и критиковавших механико-материалистическое мировоззрение [9: с.74–75]. Все эти мыслители категорически отрицали тезис некоторых представителей европейского естественно-научного материализма о том, что человек «есть одно из животных, лишь высшего разряда» (см.: Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1611. Л. 228). Разница лишь в том, что никаноровская модель философии претендовала на большую универсальность, она охватывала также и область антропологии, социальной теории и практики, педагогики и политической жизни. Это действительно была попытка построить разветвлённую систему религиозно-философского мировоззрения, правда, в своеобразном «полемико-текстологическом» формате, в постоянном споре с альтернативными и в философском смысле противоположными точками зрения. Эта полемическая заострённость достигла такой степени, что стала своеобразным отражением критикуемой позиции, попыткой на иной почве выстроить некую «замену» ей, но с сохранением позитивного исходного замысла. «Позитивная философия» архиеп. Никанора стала заменой «позитивной философии» О. Конта, Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера, «математическая метафизика» православного автора претендует на замену применения методов точных наук в новейших философских течениях, ориентировавшихся на данные строгой науки. Такая своеобразная «философская инверсия», предложенная архиеп. Никанором, позволяла извлечь положительный результат из всей этой полемики, учитывать данные современной науки при конструировании православной теистической метафизики.

В данном контексте необходимо представить базовые черты философско-метафизического учения архиеп. Никанора. Известно, что В.В. Зеньковский характеризовал его как великолепного полемиста и очень не оценённого философа. Нам представляется важным отметить в философском наследии русского православного иерарха его намерение произвести синтез традиции классического философского платонизма и лучших образцов восточно-христианского философствования, а также средневековой схоластической философии с последующей традицией философского спиритуализма с учётом достижений и развития естественных наук. Научные достижения и от-

крытия последних десятилетий, по мысли архиеп. Никанора, вовсе не свидетельствуют об архаичности, отсталости и в конечном итоге несостоятельности философского теизма, напротив, как он полагал, при соответствующей их оценке и объяснении мы можем использовать их в апологетических целях [2]. Следует отметить, что архиеп. Никанор был одним из самых лучших знатоков католического богословия, его докторская диссертация была посвящена разбору догматики римско-католической церкви, и, следовательно, ему было знакомо содержание католической интерпретации вопросов естествознания. В этой интерпретации отражались определённые вероучительные особенности католицизма, которые вызывали возражения у архиеп. Никанора, но многие положения католических философов, их оппонирование новейшим течениям материализма и позитивизма вызывало сочувствие у этого православного автора. Кроме того, архиеп. Никанор сам живо интересовался результатами научных поисков в области биологии, психологии, физики, химии, геологии и др. Будучи ректором Казанской духовной академии, он заботился о естественно-научной подготовке студентов академии, их компетентности в вопросах соответствующих областей знания. Результатом такого внимательного отношения ректора академии стало появление в будущем в её стенах целой плеяды выдающихся философов — знатоков человеческой природы, прекрасных специалистов-психологов, вроде В.А. Снегирёва, А.Н. Потехина и др., которые формировались как учёные как раз в пору ректорства в академии архиеп. Никанора.

Философские взгляды архиеп. Никанора формировались в эпоху серьёзного мировоззренческого кризиса, охватившего русское общество в середине XIX в. Наметились расхождения между различными группами образованного слоя, ориентированными на совершенно разные ценности и идеалы. Этот кризис начал с особенной силой проявлять себя уже в 30-е гг. XIX в., с выхода знаменитых «Философических писем» П.Я. Чаадаева. Ещё больше культурно-философский водораздел внутри русской интеллигенции прошёл после выхода на культурно-историческую арену западников и славянофилов, интерпретировавших социальные и исторические процессы прошлого и настоящего России нередко совершенно противоположным образом. В философском сознании русского образованного слоя также намечается совершенно непохожее друг на друга восприятие как идей представителей немецкой классической философии (Кант, Гегель, Шеллинг, Фихте), так и мыслителей, ориентировавшихся на философско-теистическую традицию. Кроме того, усиливается и так называемое естественно-научное направление в русской философии, в значительной мере находившееся под влиянием только что появившегося в Европе философского позитивизма.

Особенностью развития русской философской мысли в описываемое время являлось то, что в ней наметилось «журнально-публицистическое» крыло, в котором глубокое философское осмысление часто заменялось яркостью оценок, связанных с актуальностью выводов и их «живым» восприятием общественным сознанием. Такая «популярная философия», представителями которой были, как правило, публицисты и писатели, играла в России, можно сказать, чрезмерно большую роль, именно этот факт породил мнение о «литературности» как специфической черте русской философии. Об этом якобы признаке часто пишут с целью показать, что в России вплоть до начала XX в. практически не было профессиональной философии или её существование носило «очаговый» характер в лице нескольких талантливых авторов, которые могли разбираться в отдельных философских проблемах, как правило, в области социальной философии и при обсуждении проблем естествознания. При этом отрицается факт наличия в России мыслителей, которые могли представить собственные философские **системы**, содержащие в себе в достаточно полном виде онтологическое, гносеологическое, эпистемологическое, этико-антропологическое и социально-философское учения. В самом деле, среди представителей университетской науки России таких авторов на протяжении всего XIX в. было очень мало, причём некоторые из них сформировались как учёные-философы именно в духовных высших учебных заведениях (Ф.Ф. Сидонский, В.Н. Воскресенский, П.Д. Юркевич, С.С. Гогоцкий, М.И. Каринский, отчасти М.И. Владиславлев). В то же время в православных духовных академиях таких мыслителей с «универсальным взглядом» было существенно больше, причём некоторые из них были известны и в Европе, например профессор Московской духовной академии Ф.А. Голубинский (1798–1854), активно переписывавшийся с Фр. Шеллингом, получивший, между прочим, физико-математическое образование в стенах академии.

Качество преподавания философских дисциплин во всех духовных академиях было весьма высоким. «Любомудрие» считалось важнейшей из отраслей наук, свидетельством чему являлось наличие в высших духовных школах сразу нескольких философских кафедр, в частности, метафизики, логики и психологии, истории философии, а также кафедры нравственного богословия, представители которой, как правило, занимались и вопросами философской этики. Преподаватели философских дисциплин никак не ущемлялись в своих научных и педагогических поисках, положение философии в академиях было весьма прочным. Такая благоприятная ситуация с преподаванием философских предметов сложилась благодаря талантливому руководству значительной части ректоров

высших духовных учебных заведений. К их числу можно отнести, между прочим, и архиеп. Никанора, а также А.В. Горского, архиеп. Иннокентия (Борисова), архиеп. Антония (Храповицкого) и др. Не следует также забывать, что при каждой академии издавались богословско-философские журналы, где печатались статьи как ведущих учёных, философов, историков и богословов академий, так и наиболее интересные работы студентов-выпускников, многие из которых являлись не столько богословскими, сколько философскими. Количество академических кандидатских сочинений и магистерских диссертаций, которые были чисто философскими, исчисляется многими десятками, если не сотнями. Большинство из них сохранились и содержатся в центральных научных архивах России и Украины. Они ещё ждут своих исследователей и могут быть на полных основаниях введены в историко-философский контекст. Можно сказать, что история духовно-академического «любомудрия» далеко ещё не изучена. Те, кто знакомится с этой своеобразно архивной «источниковой базой», по вполне понятным причинам отказываются от тезиса о якобы «литературности» и «поверхности» русской философии. Всё это должно способствовать обретению российским обществом, по словам В.К. Пишуна, «собственной цивилизационной идентичности», «восполнению мировоззренческого вакуума», «возвращению к основам собственно политического, духовного бытия» [7: с. 4–5].

Особого внимания заслуживает плеяда авторов из числа духовных лиц, которые были церковными администраторами, но одновременно продолжали заниматься изучением философских вопросов. Их семинарская и духовно-академическая подготовка в области философии была столь впечатляюща, что позволяла им обладать очень высоким уровнем компетентности в сфере онтологии, гносеологии, этики, антропологии. Архиеп. Никанор как раз принадлежал к числу таких выдающихся представителей православной учёности, умевших не только заниматься текущей церковно-административной и проповеднической деятельностью, вести службу в храмах, но и писать серьёзные философские статьи и целые книги, оставившие глубокий след в истории русской религиозной философии позапрошлого столетия. Исследователь русской духовно-академической философии С.В. Пишун справедливо отмечал, что было бы несправедливо обвинять архиеп. Никанора в якобы излишнем рационализме и следовании западному схоластическому формализму. Со слов данного автора, его система «представляет собой замечательный пример соединения духовной и мистической возвышенности и догматической и учёной строгости» [8: с. 29].

Если говорить о наследии архиеп. Никанора в области философской гносеологии, то особо следует отметить его учение о чувстве как источнике позна-

ния. Он полагал, что чувство составляет источник и фундамент всякого познания, причём речь идёт не столько о «внешнем» чувстве, сколько о чувстве «внутреннем». Тем самым православный автор является одним из первых в России философов-интуитивистов. При этом архиеп. Никанор не считает нужным чрезмерно разделять внешнее и внутреннее чувство, он показывает, что все чувства в конечном счёте можно отнести к «внутренним», они испытывают влияние нашей личности, сам когнитивный опыт глубоко личностный. Впрочем, сам архиеп. Никанор не стремится слишком глубоко анализировать не только внешние (по отношению к воспринимаемому предметам), но и «органически» внутренние чувства, концентрируя своё внимание на высших или «душевных» внутренних чувствах. В его понимании «внутреннее душевное чувство» включает в себя интеллектуальное сознание, эстетический вкус и совесть. Таким образом, в реальном когнитивном опыте присутствует личностный элемент как, в том числе, факт нравственно значимый. При этом «внутреннее душевное чувство» пронизывает собой прочие душевные способности человека, в том числе и как бы «низшие» чувства, оно есть «корень, гнездилище, фокус всех отправлений человечества» [6: с. 27]. Такой подход не делает позицию архиеп. Никанора «сентименталистской», он особо подчёркивает практическую сторону «внутреннего душевного чувства» (наряду с теоретической стороной). Эта практическая сторона определяет возможности понимания человеком существа познаваемых им объектов, а также характер коммуникаций с другими людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов, А.И. Духовно-академическая философия в её сущностном отношении к философскому учению Фихте / А.И. Абрамов // Философия Фихте в России. – Санкт-Петербург : РХГИ, 2000. – 368 с.
2. Бердяев, Н.А. Истина и Откровение. Прологомены к критике Откровения / Н.А. Бердяев. – Санкт-Петербург : РХГИ, 1996.
3. Гаврюшин, Н.К. Русская философия и религиозное сознание / Н.К. Гаврюшин // Вопросы философии. – 1994. – № 1.
4. Каменский, З.А. История философии как наука / З.А. Каменский. – Москва : Институт философии РАН, 1992.
5. Луценко, В.Е. Духовно-академическая философия в России и европейский философский теизм второй половины XIX века : автореф. дис. ... канд. филос. наук / В.Е. Луценко. – Благовещенск : АмГУ, 2008.
6. Никанор (Бровкович). Позитивная философия и сверхчувственное бытие. Т. 1 / Никанор (Бровкович). – Санкт-Петербург, 1875.
7. Пишун, В.К. Политическая философия евразийства / В.К. Пишун. – Москва : ВЛАДОС, 2003.
8. Пишун, С.В. Эйдосная типологизация бытия архиеп. Никанором (опыт реконструкции) / В.К. Пишун // Христианство на Дальнем Востоке. Ч. 2. – Владивосток : ДВГУ, 2000.
9. Эзри, Г.К. Немецкий постгегелевский теизм и русский религиозный персонализм / Г.К. Эзри // Научное мнение. – 2020. – № 1–2. – С. 73–81.